

Научная статья

УДК 81`35

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113

КОНЦЕПТ *ИВАНУШКА-ДУРАЧОК*: ЦЕННОСТНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Светлана Николаевна Глазкова

Челябинский государственный университет, Миасс, Россия, snglaz@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8980-2776

Аннотация. В статье концепт *Иванушка-дурачок* рассматривается как прецедентное имя. Доказывается национально-культурная значимость концепта. Утверждается, что изменение семантики концепта *Иванушка-дурачок* объясняется развитием языкового сознания носителей языка в течение последних 40 лет. В ходе исследования применяются методы корпусной лингвистики, математической статистики, свободный ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, социолингвистические методы анкетирования, устных опросов, сравнительный и лексикографический анализ и др. Делается вывод о том, что аксиологический и семантический потенциал концепта *Иванушка-дурачок* деформировался. Вектор оценки в языковом сознании школьника изменился с положительного на слабо отрицательный. В ходе исследования установлено, что большая часть дошкольников и некоторые школьники совсем не знают героя, не имеют в связи с ним никаких ассоциаций, слабо представляют черты его характера, не помнят сказок, в которых персонаж участвует, не представляют сюжетных коллизий, связанных с героем, не имеют полного (а некоторые и частичного) представления о поступках и особенностях героя и его антиподов, его окружении. Об этом свидетельствуют результаты ассоциативного эксперимента, согласно которым герой все же узнаваем как сказочный и вписан в фольклорную картину мира школьника. Однако персонаж не атрибутирован как непобедимый, бескорыстный, добрый, уповающий на волю Божью, смекалистый, бесстрашный, щедрый, высоконравственный. Герой воспринимается по преимуществу как интеллектуально ограниченный, неопрятный и необаятельный. По мнению школьников, персонаж не годится для личной дружбы. Упрощение и перерождение оценки *Иванушки-дурачка* автор связывает с мутацией культурного кода. Смена аксиологических акцентов на примере концепта *Иванушка-дурачок* оценивается как диффузия национально-культурной идентичности. Результаты проведенного анализа могут помочь скорректировать работу со сказочными фольклорными текстами в детском саду и начальной школе.

Ключевые слова: Иванушка-дурачок, концепт, прецедентное имя, оценочность, национально-культурная идентичность

Для цитирования: Глазкова С. Н. Концепт *Иванушка-дурачок*: ценностно-динамический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 103–113. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113.

Original article

CONCEPT *IVANUSHKA-DURACHOK*: VALUE AND DYNAMIC ASPECT

Svetlana N. Glazkova

Chelyabinsk State University, Miass, Russia, snglaz@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8980-2776

Abstract. In the article, the concept *Ivanushka-durachok* is considered as a national precedent name. The national-cultural significance of the concept is proved based on the opinion of predecessors. The deformations of the axiological paradigm of young Russian speakers are exemplified by this concept, modifications in its existence are fixed overtime. It is argued that the change in the semantics of the concept *Ivanushka-durachok* is explained by the development of the linguistic consciousness of native speakers over the past 40 years. In the course of the research, the psycholinguistic methods and the methods of corpus linguistics were used. The dynamics of the evaluative value of the precedent concept *Ivanushka-durachok* is indicated. It is concluded that the axiological and semantic potential of the concept *Ivanushka-durachok* and its name has been deformed. Its assessment vector in the linguistic consciousness of the student

changed from positive to slightly negative. It was found that most of the preschoolers and some schoolchildren do not know the hero at all, do not have any associations with him, poorly represent his character traits, do not remember the fairy tales in which the character participates, do not reproduce the plot collisions associated with the hero, do not have a complete (and some even partial) understanding of the actions and characteristics of the hero and his antipodes, his environment. This is evidenced by the results of an associative experiment, according to which the hero is still recognizable as a fairy tale and folklore character inscribed in the schoolchild's world picture. However, he is not attributed as invincible, disinterested, kind, trusting in the will of God, savvy, fearless, generous, highly moral. The hero is perceived primarily as intellectually limited, unkempt and unengaging. According to schoolchildren, the character is not suitable for personal friendship. The author considers the simplification and transformation of *Ivanushka-durachok's* assessment to be a mutation of the cultural code. The change of axiological emphasis exemplified by *Ivanushka-durachok* is assessed as a diffusion of national-cultural idiosyncrasy, its unjustified debasement. The results of the analysis can help to correct the work with fairy-tale and folklore texts in kindergartens and elementary schools, be used in the teaching methods of literary reading.

Keywords: *Ivanushka-durachok*, concept, precedent name, evaluativeness, national-cultural identity

For citation: Glazkova SN. Concept *Ivanushka-durachok*: value and dynamic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;6(476):103-113. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113.

*Дурак русских сказок обладает
нравственными достоинствами,
и это важнее наличия внешнего ума.*

В. Я. Пропп

Концепт *Иванушка-дурачок* основательно исследован с позиций фольклористики и мифологии, лингвокультурологии и концептологии, этнофилософии и этнолингвистики. Образ Иванушки-дурачка с разных позиций изучали Е. В. Бусурина [3], Е. Н. Бочарова [2. С.164–175], А. Вежицкая [4], С. Г. Воркачев [5], Е. М. Мелетинский [12], Е. Н. Трубецкой [16], Д. С. Лихачев [11. С. 7–90], И. В. Захаренко [8. С. 198–200], В. В. Колесов [10. С. 240–480], М. Л. Карданова [9. С. 189–196], И. Г. Чеботарев [17], О. А. Дмитриева, И. А. Ильин, Е. А. Ярмахова, Ю. М. Лотман, А. М. Панченко, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. Я. Пропп, А. Д. Синявский, М. Н. Черкасова, С. С. Аверинцев и др.

Позволим себе начать с цитаты, которая иллюстрирует традиционный взгляд на русскую ментальность. «Издревле повелось, что русский человек любит время от времени притворяться дураком. Это является национальной особенностью и составляет русскую ментальность. Он всегда выходит победителем, а добро с его помощью побеждает зло. Мифологическая модель *Дурак* культурно обусловлена и составляет русскую ментальность, связанную с фольклорной традицией» [7. С. 139]. Ментальность детерминируется ценностно-нормативными ориентациями, содержащими оценочную доминанту. Эти координаты позволяют изучать ценностные ориентиры языковой картины мира. Сложное именование *Иванушка-дурачок* относится к оценочной лексике, что и объясняет наш интерес к структуре данного концепта. Выявление содержания и цен-

ностных установок в структуре концепта *дурак*, *Иванушка-дурачок* неоднократно становилось предметом изучения в лингвокультурологических работах. Данное исследование посвящено анализу динамических изменений в структуре концепта, связанных с трансформацией оценочности. Для проведения исследования использовались следующие методы: метод семантического дифференциала, элементы и приемы компонентного анализа, контекстного анализа, элементарный статистический подсчет, методы корпусной лингвистики, социологический метод опроса, анкетирования.

Отметим попутно различие в написании сочетания в разных источниках, в том числе фольклорных. В данной статье мы используем орфографический вариант *Иван-дурак*, *Иванушка-дурачок* в соответствии с академическим словарем [15. С. 139]. Концепт *Иванушка-дурачок* принадлежит к числу культурно значимых. Для работы с такими концептами ученые используют разные терминосистемы: А. Вежицкая относит такие концепты к «ключевым словам культуры», В. Г. Костомаров называет их «логоэпистемами», Ю. С. Степанов — «константами» русской культуры», В. В. Воробьев — «лингвокультуремами», И. А. Стернин — «лингвокультурными концептами». *Иванушка-дурачок* является в ряду таких концептов краеугольным. Так, эксперимент, проведенный Е. И. Алещенко, показал, что Иван-дурак — самый узнаваемый традиционный сказочный персонаж, намного опережающий Бабу Ягу, Ивана-царевича, Кошечку Бессмертного, Елену Премудрую и др. [1. С. 22–34]. В классической работе «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежицкая называет критерии культурной значимости концепта:

прецедентность, культурная разработанность концепта, частотность и востребованность его репрезентатов [4. С. 19–23, 27–29, 30–36]. Ниже через призму этих критериев доказывается значимость концепта *Иванушка-дурачок* для русской языковой картины мира. Однако наблюдения над современными языковыми процессами, над речью молодого поколения показывают, что концептуальное пространство русской языковой личности изменилось, русская ментальность подверглась значительной трансформации. Учет две стороны вопроса.

1. С одной стороны, налицо факты, подтверждающие сформулированный А. Вежбицкой тезис. Так, например, обширное словообразовательное гнездо с вершиной *дур-* свидетельствует и непосредственно, и опосредованно о детальной культурной разработанности концепта *дурак* в русской языковой картине мира. Гнездо, представленное в словарях Н. А. Тихонова, в неакадемических сетевых словарях включает до 90 дериватов [14. С. 520–521]. Деривационно-семантическое пространство словообразовательного гнезда с вершиной *дур-* представлено ниже.

Дурак, дурачок, дурачина, дуралей, дурацкий, Иванушка-дурачок, Иван-дурак, дурачество, дурачить, дурачиться, дурачище, дурачьё, дурашка, дурашливо, дурашливый, дурашливость, дурень, дуреть, дурий, дурила, дурилка, дурить, дурка, дурно, дурной, дурнушка, дурость, дурочка, дурь, придурь, задурить, недурно, обдурить, одурачить, одуреть, одурить, одурь, по-дурацки, полудурок, придуриваться, придурок, придурковатый, самодур, сдуру, дура, дураковатый, дуранда, дурында, дурацкий, дурашный, дурень, дурёха, дурица, дурнеть, дурнота, вздурить, вздуриться, дуракоустойчивый, задурачиться, надурачиться, недурственный, обдуривать, одурачение, одуревать, одурелый, одурять, одуряющий, подурачить, подурачиться, подурить, самодур, самодурство, самодурствовать, сдурить, вздуриться, дурик.

Помимо этого, в Словаре детского словотворчества зафиксированы такие детские окказионализмы: *дур (он), Дурака (он), Дурацко (неудачно, по-дурацки)*; в сетевом словообразовательном словаре зафиксированы окказиональные дериваты: *дурициня (глупая девушка): дура + Дульциня (Тобосская), госдура (госдума)*. Как видим, экспликатор концепта *глупость*, лексема *дурак*, продолжает оставаться актуальным, о чем свидетельствуют живые языковые процессы.

2. С другой стороны, в словообразовательном гнезде с вершиной *дур-* происходят динамические изменения — семантические, лингвокультурные. Поясним этот тезис. Названные динамические процессы прежде всего связаны с аксиологическими изменениями. По наблюдениям, происходит оценочный сдвиг по отношению к концепту *дурак*. Оценочный сдвиг в словообразовательном гнезде особенно ярко проявляется в сочетании (сложном именовании) *Иванушка-дурачок*. Его исследованию посвящена данная статья.

Первое осмысление образа Иванушки-дурачка как образа национального героя связано с публикациями сборников «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839) И. М. Снегирева и «Русские народные сказки» (1841) И. П. Сахарова. Первая фиксация сложного именованья *Иванушка-дурачок*, судя по материалам Национального корпуса русского языка, приходится на 1832 год и встречается у Н. А. Полевого («Клятва при гробе Господнем»)¹. Амплитуда частотности употребления именованья колеблется от нулевого индекса до индекса 1,3. Концепт *Иванушка-дурачок* имеет внушительную предысторию и характеризуется широким семантическим объемом, диффузным прагматическим потенциалом и богатым функционированием.

График частотности употребления этого словосочетания свидетельствует о синусоидной динамике употребительности единицы. Несколько невысоких всплесков употребительности падают на 1848, 1861, 1886, 1923, 1983 гг. Самая высокая частотность приходится на 1906 г. Снижение употребительности до нуля падает на предвоенные и военные годы (1937 и 1950 гг.), а также перестроечные — с 2000 г. по сегодняшний день. Рост национального сознания во время Великой Отечественной войны и отход от традиционных национальных ценностей в процессе перестройки, возможно, объясняют эту динамику. График приведен ниже (рис. 1).

Можно отметить общую тенденцию к снижению употребительности всех однокоренных слов словообразовательного гнезда с вершиной *дур-* (например, согласно данным Национального корпуса русского языка, *дурак, дурачок, дурачина, дурень* и др.)².

¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

²Там же.

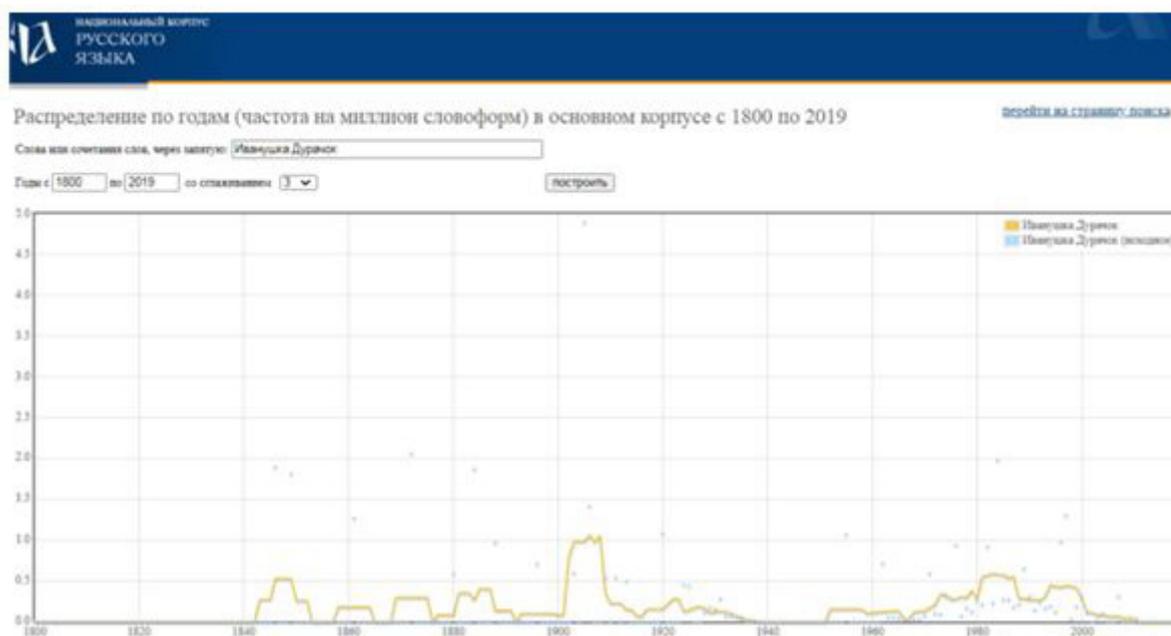

Рис. 1. Динамика употребительности именованя Иванушка-дурачок

Fig. 1. The dynamics of the naming usage of Ivanushka-durachok

Динамика употребительности опосредованно связана с критерием востребованности культурных концептов *дурак*, *Иванушка-дурачок*. Снижение частотности свидетельствует об ослаблении интереса к ним. Обратимся к истокам.

Глубокий анализ истоков юниората, минората в фольклоре вообще и в русском в частности сделал Е. М. Мелетинский, так объясняя идеализацию младшего брата в русской сказке: «Социальную почву для идеализации младшего брата создает разложение патриархальной общины и возникновение классового неравенства. <...> Идеализация младшего брата в сказке есть идеализация социально обездоленного в результате разложения родового коллективизма индивида, оставшегося верным родовому коллективизму. Самое понятие младшего постепенно приобретает социальный смысл и сливается с понятием социально обездоленного» [12. С. 137].

В фольклоре многих азиатских и всех европейских стран есть обиженный, но побеждающий зло младший сын. Вероятно, национальная идея справедливости, православная традиция упования на Бога, а не на человека, неприветствия приоритета материального сделали типичного фольклорного персонажа ключевым для русской картины мира, породили важнейший русский культурный фрейм *Иванушка-дурачок*. Лингвисты и культурологи по-разному типологизируют этот образ. Так, среди разных типов дурака С. Г. Воркачев называет фольклорного дурака, который

выступает в русских сказках «в нескольких ипостасях, основными из них являются *дурак-недомена* <...> и *дурак (наивный)* — мудрец, движимый в своих поступках, противоречащих здравому смыслу и практицизму, добротой, честностью, бескорыстием, за что ему в конечном итоге воздается» [5. С. 15].

Яркую национальную специфику имеет второй образ. В культурной памяти многих поколений этот образ, безусловно, положительный. Так, в лингвокультурологическом словаре Иванушка-дурачок назван «национальным положительным героем» [8. С. 199]. Однако, по наблюдениям, сегодня в сложном именовании *Иванушка-дурачок* отмечаются семантические сдвиги, повлекшие за собой и аксиологический сдвиг. Стержнем семантических трансформаций именованя *Иванушка-дурачок* (и концептуального содержания лингвокультуры «дурак» в целом) является преобразование пренебрежительно-одобрительного (слабо положительного) аксиологического акцента в негативно-уничтожающий (резко отрицательный). По справедливому мнению Е. В. Вотивцевой и Ф. Г. Фаткуллиной, языковой материал «позволяет проследить изменения в ценностных иерархиях определенной эпохи» [6. С. 1355]. Для выявления и уточнения семантики именованя *Иванушка-дурачок* в работе использовались несколько методик и приемов: подбор синонимов (1), авторские методики семантического шкалирования (2) и синонимических корреляций (выбор

соответствий) (3). Кроме того, применялся психолингвистический метод семантического дифференциала и методы корпусной лингвистики.

Опишем первый срез исследования. Для выявления содержания изучаемого концепта были собраны синонимичные единицы. Первоначально были взяты данные современного синонимайзера — электронной базы синонимов, созданных на основе как словарей, так и мнения пользователей. Ресурс дает гораздо более широкую, точную в сравнении со словарной современной синонимическую картину, «однако включает единицы не только общезыковые, но и имеющие отношение к синонимическому ряду лишь в индивидуальном сознании конкретного пользователя сайта» [13. С. 140].

Синонимические ресурсы не содержат единицу *Иванушка-дурачок*, однако содержат единицу *дурачок*. Один из ресурсов (КартаСлов.ру) на лексему *дурачок* генерирует набор из полутораста синонимов. Исключив дериваты с корнем *-дур-* (*дурак, придурковатый, дурной, дурень, дурачье, полудурок, дурачина, и уши холодные, круглый дурак, малый не дурак и дурак не малый, набитый дурак, петый дурак, дуралей, дурында, дурак дураком, дурак и не лечится, дурашка*), получили более 100 единиц: *простофиля, олух, идиот, болван, недотёпа, глупый, тупица, кретин, глупец, полоумный, разиня, остолоп, пентюх, тупоголовый, несмышлёныш, балбес, деревеница, мужлан, слабоумный, пустоголовый, слабоумный, юродивый, полоумный, сумасшедший, вахлак, балда, бестолочьтупой, дурак, хам, дегенерат, простак, простоватый, простота, тупоумный, неумный, скудоумный, глупенький, глупышка, оболтус, шалун, юродивый, блажененький, блаженный, юрод, немудрый, фофан, межсеумок, обормот, обалдуй, баран, осёл, чурбан, орясина, пень, чушка, бревно, дубина, дерево, глупыш, баклан, сумасшедший, безумный, бешеный, исступлённый, дикий, яростный, неистовый, удмурт, охламон, Христов человек, божий человек, дубина стоеросовая, здравствуй, дерево и др.*

Этот список не конечен. Совокупные данные нескольких интернет-ресурсов содержат около 350 синонимов лексем *дурак, дурачок*.

Для мониторинга семантики и оценки был проведен ассоциативный свободный эксперимент со словом-стимулом *Иванушка-дурачок*. Реципиентами стали школьники 4-х, 5-х, 7-х, 9-х классов. Полученные ответы сгруппированы и приведены ниже в виде гнезда ассоциатов.

Иванушка-дурачок — сказка — 17, *дурачок* — 7, *дурак* — 9, *человек* — 4, *мальчик* — 2, *даун* — 2,

Пузыренко — 2, *герой в мультике, добрый человек, герой сказки, полудурок, Алиса в стране чудес, сказочный персонаж, хитрый, глупость, Иванушка-дурачок, персонаж мультика (книжки), дурь, гений, Алеша Попович, печь, добрый человек из мультика, Леон, козленок, конь, прова, русские сказки, Катя, дед, книжка, Маша, кружка, ну не умный, осел, Дмитрий Дебилович, Аленушка, Спящая красавица, рубаха, мой парень, парень, ведро, Иван-Царевич, золотая рыбка, избушка на курьих ножках (97/43/49/5).*

Статистика в конце статьи фиксируется по аналогии с данными ассоциативных словарей: первая цифра называет общее число полученных в результате эксперимента реакций (97), вторая — число повторяющихся реакций (43), третья — число однократных реакций (49), четвертая — отказы от ответа (5).

Далее была проведена кластеризация полученных реакций. Большая часть реакций — это связанные со сказочностью напрямую и опосредованно ответы: *сказка* — 17, *герой в мультике, герой сказки, Алиса в стране чудес, сказочный персонаж, персонаж мультика (книжки), Алеша Попович, печь, добрый человек из мультика, русские сказки, Аленушка, Спящая красавица, Иван-Царевич, золотая рыбка, избушка на курьих ножках, конь*. Реципиенты называют:

- 1) героев сказок — книжных и мультипликационных:
 - а) имена (*Алиса в стране чудес, Алеша Попович, Аленушка, Спящая красавица, Иван-Царевич*);
 - б) обобщенные именованья героев (*герой в мультике, герой сказки, сказочный персонаж, персонаж мультика/книжки, добрый человек из мультика*);
- 2) предметы сказочного антуража (*печь, избушка на курьих ножках, конь, золотая рыбка, рубаха*).

Вторая группа реакций связана со вторым (реакции с семой *глупость*) или первым (реже) компонентом имени *Иванушка-дурачок*. Здесь лексические, синонимические, антонимические и деривационные повторы, перифразы (*дурачок* — 7, *дурак* — 9, *полудурок, дурь, даун* — 2, *хитрый, глупость, Иванушка-дурачок, гений, ну не умный, осел, Дмитрий Дебилович, Иван-Царевич*).

К третьей группе можно отнести индивидуальные реакции, некоторые из которых уклончивы, обобщенны или не вполне понятны (*человек* — 4, *мальчик* — 2, *Пузыренко, Леон, козленок, трава, Катя, дед, Маша, кружка, мой парень, парень, ведро*).

Подытожим результаты. С одной стороны, налицо узнаваемость героя и вписанность его в сказочную (фольклорную) картину мира. Герой вписан в антураж прошлого и сказки. С другой стороны, глубокой рефлексии, связанной с непобедимостью, бескорыстием, добротой героя, его упованием на волю Божию, не обнаружено. Герой атрибутирован как интеллектуально ограниченный.

Для уточнения оценки героя детьми был проведен пилотный эксперимент в форме беседы в детском саду «Центр развития "Золотая рыбка" № 108» (г. Миасс) и в школах города № 6, 18, 10, 21, 44, 11. Опрос показал следующее. Почти все дети (опрошено 107 человек) в возрасте от 4 до 13 лет, за исключением одного ребенка, на вопрос

«Стал бы ты дружить со сказочным героем *Иванушкой-дурачком?*» отвечали отрицательно. Ответы можно суммировать несколькими типами: *Я не стал бы дружить с ним; Я бы с ним не разговаривал; Я бы со старшим дружил или со средним; Нет, он лох.*

При подборе школьниками синонимов лексемы *Иванушка-дурачок* в лидеры вышли лексемы *лох, дебил, лошара, идиот, чокнутый, лентяй, ненормальный, немножко лентяй*. Скорее всего это связано не только с изменением семантики именованной *Иванушка-дурачок*. Такие лексемы, как, например, *лох* и *дебил*, актуализировались в последние три-пять десятилетий, что наглядно видно ниже на графике (рис. 2–4), сгенерированном в Национальном корпусе русского языка¹ [13].

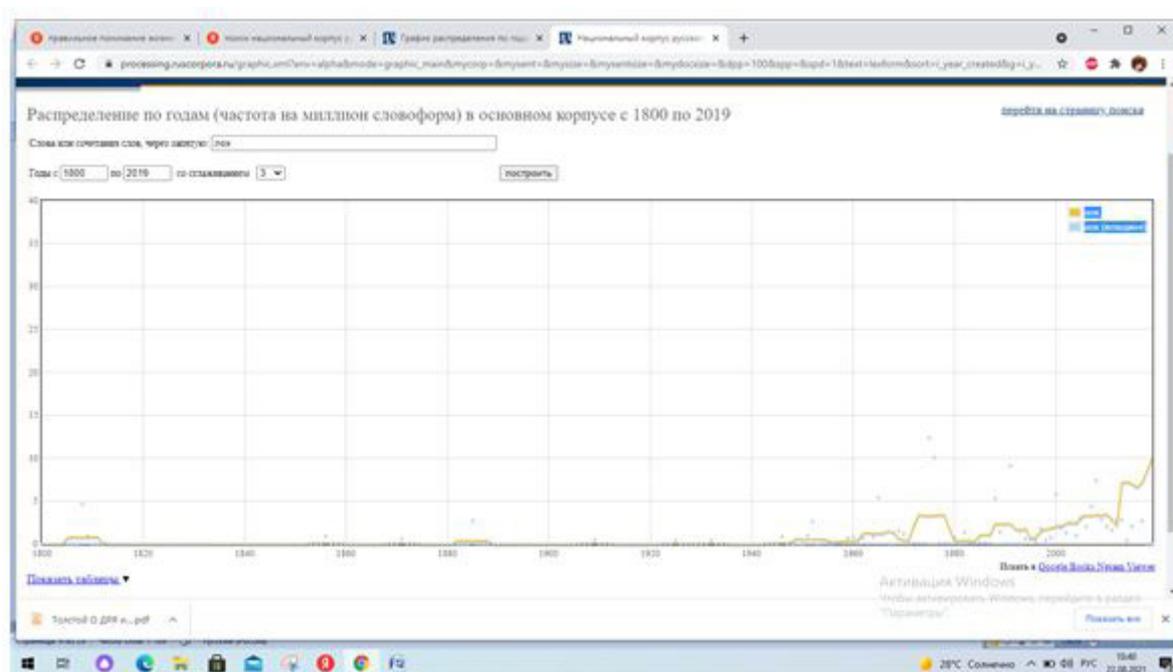

Рис. 2. Динамика частотности употребления лексемы «лох»

Fig. 2. Dynamics of the frequency of use of the lexeme "lokh"

Ответы показывают, что для ребенка-дошкольника и школьника *Иванушка-дурачок* — устойчиво отрицательный герой. Очевидно, что отрицательный герой в сознании ребенка сформирован: у *Иванушки-дурачка* детьми отмечается бытовая неуспешность, непрезентабельная внешность, невыигрышная самопрезентация. Положительный герой в языковом сознании ребенка размыт. Очевидно, что он не является противоположностью отрицательному. Он другой, но его черты расплывчаты. Врать плохо, но хорошо ли говорить правду? Быть жадным плохо, а хорошо ли все отдать? Что такое «плохо», в языковом сознании ребенка достаточно ясно и отчетливо:

быть неадекватным, непохожим на типичного успешного представителя социума. Но что такое «хорошо», не вполне отчетливо: оно аморфно, неопределенно. Очевидна амбивалентность, индифферентность, размытость положительного образа вплоть до полного его отсутствия. Критерий сопричастности добру и злу не работает, так как зло и особенно добро индифферентны, неотрефлексированы. Добро по преимуществу приравнивается к успешности.

Задачей исследования на втором этапе было выявить в содержании концепта *Иванушка-дурачок* культурно детерминированные ценностные

¹Национальный корпус русского языка.

трансформации. Исследование, проведенное методом семантического дифференциала, показало, что по аксиологическим шкалам *глупый* — *умный*; *аккуратный* — *неряшливый*, *небрежный*; *хороший* — *плохой*; *добрый* — *злой*; *ленивый* — *тру-*

долобивый; *простак* (*лох*) — *проныра* (*прошаренный*) реципиенты оценивают Иванушку-дурачка в среднем негативно. Просторечные синонимы приходилось применять в случае непонимания детьми значения предложенных атрибутов.

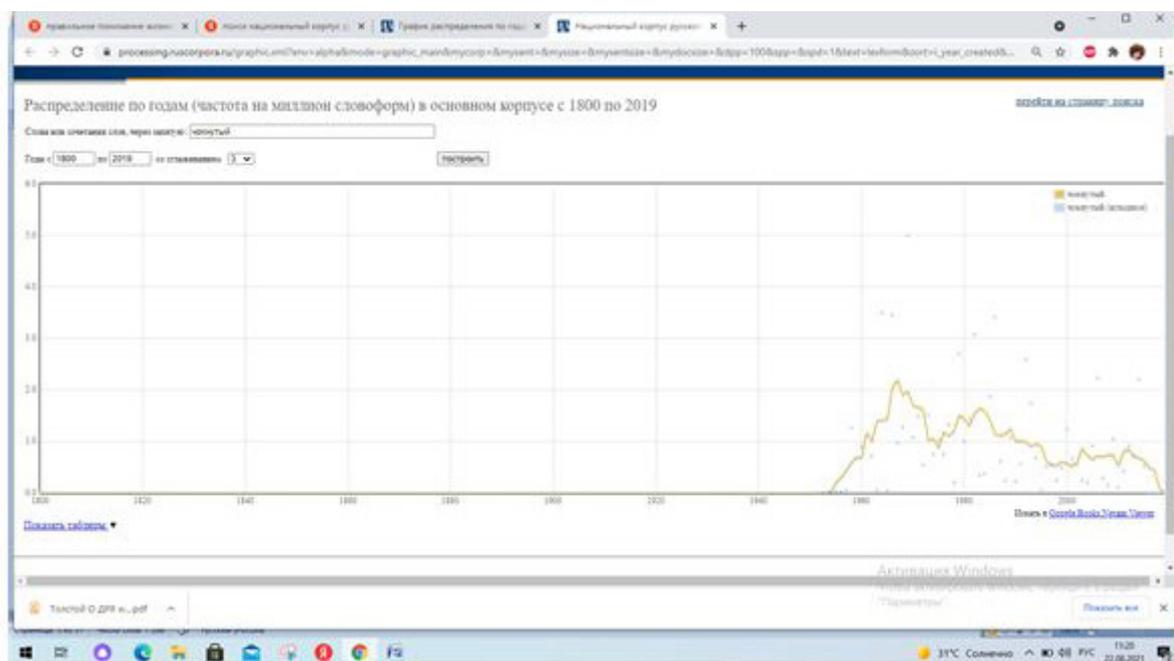

Рис. 3. Динамика частотности употребления лексемы «чокнутый»

Fig. 3. Dynamics of the frequency of use of the lexeme “choknutyj”

Рис. 4. Динамика частотности употребления лексемы «дебил»

Fig. 4. Dynamics of the frequency of use of the lexeme “debil”

По шкале *умный* — *глупый* получены оценки от -3 до $+3$. При этом -1 — средний показатель. Для школьников Иванушка-дурачок скорее

глуп, чем умен. По шкале *хороший* — *плохой* результаты колеблются от -3 до $+2$, средний показатель составляет $+1$. Таким образом, персонаж

для школьников скорее положительный, чем отрицательный, т. е. слабо положительный. По шкале *простак* — *проньера* средний показатель составляет 0 и индексы варьируются от -3 до +3 (эти качества, видимо, не отрефлексированы). По шкале *ленивый* и *трудолюбивый* персонаж оценивается как скорее ленивый, чем трудолюбивый. Средний показатель составляет -1, причем ответов с отрицательным маркером в два раза больше, чем ответов с положительным маркером. По шкале *небрежный* — *аккуратный* превалируют отрицательные оценки. Средний показатель по этой шкале -0,83. По параметру *добрый* — *злой* получен такой результат: персонаж скорее положительный, чем отрицательный. Средний показатель — +0,83. Индекс усредненной оценки по всем шкалам составляет -0,2. Легендарный положительный персонаж русской сказки оценивается школьниками скорее как отрицательный. Оценочная доминанта концепта негативная. Отметим, что оценки школьников неоднозначны, многие противоположны. Оценочная антагонистичность объяснима, с одной стороны, антиномичностью, амбивалентностью самого образа. С другой стороны, она показывает, что современный школьник оценивает знаменитого персонажа — визитную карточку русской ментальности — двойкой и скорее отрицательно.

Заключение

Концепт *Иванушка-дурачок* является лингвокультурным. Природа этого концепта аксиологическая, поэтому открывает доступ к изучению ценностных установок и ментальных представлений школьников. Исследование национально и культурно обусловленного содержания концепта *Иванушка-дурачок* в русской языковой картине мира показало, что произошло перераспределение семантических долей в языковом сознании школьников и дошкольников: на первый план выходят семантемы *неопрятный*, *глупый*, *злой*, *ленивый*, *удачливый*, *хитрый*, *ловкий*, а на второй план отходят и/или полностью отсутствуют смысловые компоненты *высоконравственный*, *добрый*, *уповающий на Бога*, *справедливый*, *честный*, *простодушный*. В языковом сознании школьника главным семантическим признаком концепта *Иванушка-дурачок* выступает неадекватность — несоответствие социальной и коммуникативной норме. Е. Н. Трубецкой писал: «Дурак является любимым героем сказки именно потому, что в человеческий ум она не верит» [16. С. 7]. Однако это ключевое, с точки зрения философа, свой-

ство (иррациональность) осталось за пределами концептуализации концепта *Иванушка-дурачок* в языковом сознании школьников.

Аксиологические трансформации образа вполне объяснимы: сущность героя противоречит пропагандируемому повсеместно житейскому практицизму, накопительству, потреблению, расчету, корысти, неукоснительной, обязательной успешности. Речь идет не об успехе, который венчает долгий путь к нему, об успехе в конце безнадежного дела — о победе, женитьбе на царевне, завладении тронном и пр. Главным мерилем ценности человеческой жизни становится бытовая успешность. Категории *успешность* — *неуспешность* подменили категории *добро* и *зло*. Успех приравнивается в сознании школьников к добру, неуспех — к злу. К основам русского менталитета философы и культурологи относят нравственноцентричность, приоритет духовного над материальным, сострадание, терпение, бескорыстие, простодушие. Эти черты размываются в массовом сознании молодых. Трансформация национального языкового сознания отражается в отношении к образу Иванушки-дурачка, который не вызывает сочувствия, симпатии у многих школьников. Респонденты далеки от его идеализации. Иванушка-дурачок для них непривлекателен.

Отношение к Иванушке-дурачку нынешних ребятишек поразительно напоминает отношение к нему окружающих в сказке: он «объект издевок и всеобщего осмеяния, его поведение не соответствует существующим нормам, обычаям, правилам» [9. С. 190].

Обратимся к началу размышлений, к положению о том, что традиционность фольклорного сегмента языковой картины мира трансформируется в языковом сознании молодых. Отраженная в сказках русская ментальность претерпевает серьезные изменения. В традиционном сознании носителей русского языка позитивная составляющая коннотата концепта *Иванушка-дурачок* связана с тем, что именно добро, бескорыстие, бесхитростность, нерасчетливость и безоговорочная вера в высшие силы, совестьливость помогают ему, тогда как именно эти черты потеряли свою привлекательность для школьника. Образ жизни Иванушки-дурачка полностью ломает стереотипы современного человека о смысле жизни. Герой стал антигероем. Образ начисто лишен обаяния в глазах современного ребенка и молодого человека. Произошла полная девальвация образа, редукция ритуального, исконного, сакрального. Разрушается его почитаемость и культовость.

Изменяется прежде всего аксиологическая компонента концепта. Самым, пожалуй, тревожным симптомом является то, что многие дошкольники и некоторые младшие школьники незнакомы с описываемым персонажем.

Конечно, цифровая эпоха не располагает к рассказыванию сказок. Процесс забвения культурных концептов прошлого вполне естествен: он связан с социальными изменениями. Культурные реалии динамичны: одни архаизируются, другие актуализируются, и это нормальное развитие социума. Проблема в том, что перед нами феномен не рядового уровня: изменения касаются матрицы национального сознания. Важность для национальной картины мира исследуемого концепта очевидна: это нравственные критерии бытия, позитивная оценка мира и людей с позиций правды, доброты, честности, верности, совести, трудолюбия, упования на волю божью, смирения, скромности — традиционных ценностей русской культуры. Идеализация бессребреничества даже во вред себе, своей успешности противоречит либеральным ценностям, среди которых на первом месте индивидуализм, свобода выбора любой ценой,

успешность, стремление к самореализации, яркая самопрезентация, демонстративная открытость.

Вряд ли статья, направленная на анализ ситуации с позиций лингвистики, способна предложить пути выхода из создавшегося положения дел и сделать Иванушку-дурачка равным по своей привлекательности Супергерою или Человеку-пауку. Отметим лишь следующее: остро необходима популяризация древних сюжетов об Иванушке-дурачке новыми средствами: цифровой мультипликацией, электронными книгами, доступными бумажными изданиями с обновленной графикой, открытыми интернет-ресурсами для чтения и просмотра детьми, музыкальными постановками, спектаклями, новыми фильмами, бесплатными аудиокнигами и т. д. За приобщение современных детей к традиции не может отвечать только школа. Аксиологические ценности складываются очень рано, в дошкольном детстве, и происходит это прежде всего в семье, к тому же стихийно, под влиянием услышанного и от-refлексированного, поэтому важно дать детям возможность смотреть, читать, слушать русскую народную сказку.

Список источников

1. Алешенко Е. Н. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 42 с.
2. Бочарова Е. Н. Глупость // Антология концептов. В 8 т. Волгоград : Парадигма, 2009. Т. 7. С. 164–175.
3. Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 209 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 289 с.
5. Воркачев С. Г. Язык и ментальность: Иван-дурак как лингвокультурный герой // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. Вып. 2 (28). Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. С. 3–13.
6. Вотинцева Е. В., Фаткуллина, Ф. Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1352–1355.
7. Душкина О. С. Лексема дурак и ее роль в ситуации притворства // Проблемы концептуализации и действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. Вып. 6. М. ; Архангельск, 2013. С. 137–141.
8. Захаренко И. В. Иван-дурак // Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М. : Гнозис, 2004. С. 198–200.
9. Карданова М. Л., Настаева Л. Х. К вопросу о структуре и языковом выражении концепта «дурак» в английском, испанском и русском языках // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований : XXI Междунар. научн.-практ. конф. Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2015. С. 189–196.
10. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте : монография. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
11. Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смех как мировоззрение // «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Наука, 1976. С. 7–90.

12. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М. : Академия Исследований Культуры ; СПб. : Традиция, 2005. 240 с.
13. Нетесина М. С., Юрманова С. А. К вопросу о содержании «цифровой картины мира» // Гуманитарные технологии в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград : РА Полиграфычъ, 2020. С. 141–148.
14. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Аст, 2008. 864 с.
15. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / РАН ИРЯ им. В. В. Виноградова ; В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М. : АСТ-Пресс, 2020. 896 с.
16. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Избранное. М. : Канон, 1995. С. 386–430.
17. Чеботарев И. Г. Фасцинативный типаж «юродивый» в русской лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 23 с.

References

1. Aleshchenko YeN. Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh russkogo fol'klora (na materiale narodnoy skazki) = Ethno-linguistic picture of the world in the texts of Russian folklore (based on the material of a folk tale). Abstract of thesis. Volgograd. 2008. 42 p. (In Russ.).
2. Bocharova EN. Stupidity. In: Antologija konceptov = Anthology of concepts: in 8 vols. Volgograd: Paradigm; 2009. Vol. 7. Pp. 164–175. (In Russ.).
3. Busurina YeV. Lingvokul'turema «durak» v russkoy yazykovoy kartine mira = Lingvokulturema “fool” in the Russian language picture of the world. Abstract of thesis. St. Peterburg; 2004. 209 p. (In Russ.).
4. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov = Understanding of cultures through keywords. Moscow: Languages of Slavonic culture; 2001. 289 p.
5. Vorkachev SG. Language and mentality: Ivan the Fool as a linguocultural hero In: Vostochnoslavjanskaya filologiya Vyp. 2 (28). Yazykoznanije = East Slavic Philology. Issue 2 (28). Linguistics. Gorlovka: OO VPO «GIIYA» Publ.; 2016. Pp. 3–13. (In Russ.).
6. Votintseva YeV, Fatkullina FG. Axiological problems of modern linguistics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2015;(4):1352-1355. (In Russ.).
7. Dushkina OS. Lexeme fool and its role in a situation of pretense. In: Problemy konceptualizacii i dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira = Problems of conceptualization and reality and modeling of the language picture of the world: collection of studies. Moscow, Arhangel'sk; 2013. Pp. 137–141. (In Russ.).
8. Zakharenko IV Ivan the Fool. In: Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar' = Russian cultural space: a linguoculturological dictionary. Iss. 1. Moscow: Gnosis; 2004. Pp. 198–200. (In Russ.).
9. Kardanova ML, Nastaeva LH. To the question of the structure and linguistic expression of the concept “fool” in English, Spanish and Russian languages. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij = New word in science and practice: speculation and appraisal of the research results*: Novosibirsk: Publ. CRNS; 2015. Pp. 189–196. (In Russ.).
10. Kolesov VV. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* = Russian mentality in language and text. St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2006. 624 p. (In Russ.).
11. Lihachev DS, Panchenko AM. Laugh as outlook. In: «Smekhovoy mir» Drevney Rusi = “The Laughing World” of Ancient Russia. Leningrad: Nauka; 1976. Pp. 7–90. (In Russ.).
12. Meletinskij EM. Geroj volshebnoj skazki = Hero of a fairy tale. Moscow: Akademiya Issledovanij Kul'tury”, St. Peterburg: Tradiciya; 2005. 240 p. (In Russ.).
13. Netesina MS, Yurmanova SA. To the question of the content of the “digital picture of the world”. In: Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire = Humanitarian technologies in the modern world. Kaliningrad: RA Polygraph; 2020. Pp. 141–148. (In Russ.).
14. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka = Word-formation dictionary of the Russian language. Moscow: Ast; 2008. 864 p. (In Russ.).
15. Russkiy orfograficheskij slovar' = Russian spelling dictionary. Moscow: AST-Press; 2020. 896 p. (In Russ.).

16. Trubeckoj EN. «Inoye tsarstvo » i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = “Another kingdom” and its seekers in the Russian folk tale. Moscow: Canon; 1995. Pp. 386–430. (In Russ.).

17. Chebotarev IG. Fastsinativnyy tipazh «yurodivyyu» v russkoy lingvokul'ture = Fascinating type “holy fool” In Russian linguoculture. Abstract of thesis. Volgograd; 2015. 23 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Н. Глазкова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии.

Information about the author

Svetlana N. Glazkova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philology.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.